

НЕ СЛУЧАЙНЫЙ В ТЕАТРЕ ЧЕЛОВЕК

На этой фотографии все, конечно, узнали Аню. Не все знают ее фамилию — Гуткина и совсем уж мало кто — отчество — Александровна. Да, это старший гример-художник Анна Александровна Гуткина.

В театре время летит быстро, поколения артистов сменяют друг друга, и уже мало кто из артистов помнит, как в декабре 1965 г. поступила работать в гримерный цех Аня.

В отличие от многих она не стремилась работать в Большом театре. Аня росла в семье, где любили музыку и пели и ее отдали в Музыкальную школу имени Гнесиных, чтобы девочка училась играть на фортепиано. Но, проучившись лет пять, Аня забросила занятия, а потом и вообще ушла из школы. И не потому, что было трудно, скорее — легко. Ей вообще все давалось легко. Просто живая подвижная натура требовала выхода энергии, искала другого приложения сил и способностей. Отсюда — увлечение танцами, спортом. И не просто увлечение — по спортивной гимнастике Аня получила первый разряд. Увлекалась живописью, но здесь одной энергии было мало, а предварительной подготовки не было. Стала искать, где можно сочетать свои интересы с возможностью получить профессию. И поступила в МТХТУ, решив стать художником-гримером.

Аня с любовью вспоминает училище, педагогов, саму атмосферу этого очень специфического учебного заведения. Как объясняет Аня, воздух искусства в училище переплетался с атмосферой прикладного характера полученных знаний. История театра, изобразительного искусства, история костюма обрела зримое воплощение в залах Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени Пушкина, на спектаклях московских театров.

А распределение Аня получила в Цыганский театр «Ромэн», который принял ее в свою большую дружную семью, где и начался ее трудовой путь. Потом в течение 8 лет работала в коллективе Балета на льду, только что организованного тогда Л. М. Лавровским. Это было новое дело, молодой коллектив, который активно работал, много ездил — все здесь Ане было по душе. Но умерла мама, а сынишке нет и трех лет, а муж часто в командировках. С работы пришлось уйти — гастроллирующий коллектив был уже не для нее. Аня пробовала разную работу — надомную, по договорам, но по ее словам, как человеку театральному, ей нужен был театр.

И как это часто бывает, все решил случай: Аня узнала, что в Большом театре требуется гример. Это было как раз то, что нужно: государственный, режимный, нега-

стролирующий (может улыбаться, но это было 25 лет назад!) театр.

Аню представили руководителю гримерного отделения — Василию Васильевичу Аксенову, и она была покорена его приветливостью, интеллигентностью, доброжелательностью. Она шла на самую низкую зарплату, она знала, что «пробиться» трудно, что рабочие места в цехе передаются чуть ли не как семейная традиция, что даже выпускников МТХТУ здесь не жаловали. Она гримировала, причесывала артистов хора и мимического ансамбля — работала на шестом, верхнем этаже, постепенно приобретала опыт, знание оперных спектаклей, перешла на пятый этаж, а потом и на второй — к солистам. Аня говорит, что «выжить и выстоять» ей помогли В. В. Аксенов и А. Я. Чарухчианц.

Сегодня Аня Гуткина по праву занимает положение старшего гримера-художника: по праву опыта, умения, по праву отношения к любимому делу. Она — не случайный в театре человек и за годы работы не утратила заинтересованного отношения к своему делу. Своя работа ей интересна. Ей интересна каждая новая постановка, новый режиссер и художник, новые солисты оперы, пополняющие труппу.

Раньше, чем артисты, художник-гример смотрит эскизы, изучает эпоху, «ищет» брови и губы — ведь в разные эпохи «носили» разные брови, глаза, губы, не говоря уже о прическах. Театр выпускал подряд две оперных премьеры: «Орлеанскую деву» и «Ночь перед Рождеством», но как же разнятся внешние облики их персонажей и

как интересно работать в этих спектаклях гримеру...

А все ли наши солистки оперы хорошо знают свое лицо — его особенности, достоинства и недостатки?.. Сегодня бытовой грим, использование косметики имеет широкое применение. Но между бытовым гримом и театральным — «дистанция огромного размера». И Аня деликатно, неназойливо напомнит молодым и не очень молодым солистам о том, что на сцене их встретит свет прожекторов и расскажет, какой именно свет — какого цвета. А для этого задолго до премьеры, когда еще нет костюмов, она сидит в зрительном зале на светомониторочных репетициях, она знает, на каком фоне, в каком свете будет жить на сцене персонаж спектакля.

Казалось бы, сегодня, уже имея авторитет среди артистов и коллег, занимая, как это принято говорить в театре, «ведущее положение» в своем отделении, Аня Гуткина может успокоиться — все в порядке. Оказывается, это не так. Разговаривая с ней и понимаю, что не все в порядке, понимаю, что есть проблемы, которые не могут не тревожить ее, человека не равнодушного.

— Спектакли идут на одной площадке, работы стало меньше, но освобождается место — берем нового человека. Зачем?

С мастерскими — просто беда. За рубежом М. М. Курилко-Рюмин закупил на валюту волос. А мастерским невыгодно делать парики из нашего волоса. Для «Ночи перед Рождеством», для сцены «Триумфа Екатерины» парики взяла из «Бала-маскарада»; пользуюсь тем, что спектакль не идет, но ведь это же совсем иной стиль — пришлось все приспособлять.

Только сейчас для гастролей в США начали делать парики для «Млады». Делают их из волоса, закупленного в ФРГ, который хранится у нас, мы его выдаем под расписку, получая парики, взвешиваем их, отчитываемся перед бухгалтерией, то есть занимаемся совершенно не своим делом, а между бухгалтерией театра и мастерских — конфликты. Ну дело ли это?

Наверное, все это — нормальные тревоги и заботы для человека не равнодушного, человека в театре не случайного...

С. ГРИГОРЬЕВА.